

Е. А. Московкина¹*Алтайский государственный институт культуры***ПОГРУЖЕНИЕ ПРОТИВ ВОЗВЫШЕНИЯ:
СПЕЦИФИКА ХРОНОТОПА РАННИХ РАССКАЗОВ
И.А. ЕФРЕМОВА**

Специфическим маркером хронотопа Ефремова является пространственно-временная вертикаль с характерным акцентом на глубинах и, соответственно, свидетельствах прошлого, противопоставленных очевидной для советской фантастики риторике перспективы, роста, прорыва. Хронотоп ранних рассказов Ефремова нередко отклоняется от очевидной просветительской модели социальной эволюции. Мотив погружения способствует психологизации художественного текста, служит проекцией бессознательного, позволяет воссоздать психоаналитическую матрицу дефицитарного в поэтике соцреализма характера. Через хтонический код хронотоп Ефремова вписывается в стратегию инициации героя на мифологическом фоне фантастического нарратива.

Ключевые слова: хронотоп, поэтика, семиотика, миф, ранние рассказы И.Ефремова, соцреализм, фантастика, психоанализ.

E. A. Moskovkina*Altai State Institute of Culture***IMMERSION VS. EXALTATION:
CHRONOTOP SPECIFICITY IN I.A. EFREMOV'S
EARLY STORIES**

A specific marker of I. Efremov's chronotope is focus on space-time vertical. The writer depicts mainly the depths and, accordingly, the past, contrasting them with the rhetoric of perspective, elevation, flight obvious to Soviet fiction.

Chronotope of Efremov's early stories often deviates from the obvious enlightenment's model of social evolution. The motive of immersion with high probability contributes to the psychologization of the literary text, serves as analogy of the unconscious, allows to recreate the psychoanalytic matrix of a deficit character. The chthonic code includes Efremov's chronotope in the strategy of hero's initiation on the mythological background of a fantastic narrative.

Keywords: chronotope, poetics, semiotics, myth, early stories of I. Efremov, social realism, fiction, psychoanalysis.

¹ Евгения Александровна Московкина, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры филологии и сценической речи Алтайского государственного института культуры

Конъюнктурная «наивность» ранних рассказов И. Ефремова раскачивает маятник жанрово-стилистической отнесенности последних от нравоучительной детской литературы [Арманд, 1948; Лазарев, 1957] до «придурковатой сталинской фантастики» [Генис, 1997, с. 147]. Между тем именно опыт непрофессионального письма, «игры» ученого в литератора и, как результат этого опыта, жанровый эксперимент: лаконичный полужанровый сборник рассказов, балансирующих между беллетристической занимательностью фантастики и информативностью научно-популярной документалистики, открывают писателю путь в большую литературу. Раннее творчество Ефремова имеет не меньшую художественную ценность по сравнению с его романами, ставшими предметом многих литературоведческих изысканий как в России, так и за рубежом [Брандис, Дмитриевский, 1963; Геллер, 1977; Бритиков, 1981; Олсон, 1990; Куляпин, 2011].

По мысли Е.А. Мызниковой, рассказы Ефремова в некотором роде подготавливают его большую прозу [Мызникова, 2012, с. 52–53]. Раннее творчество Ефремова представляет особый интерес, прежде всего, по причине уникальной семиотической плотности художественной текстуры «реалистической» фантастики «ближнего прицела», ставшей своеобразным фоном пространных поздних произведений, большая часть из которых прорастает в философско-идеологический дискурс антиутопии.

«Научно-художественный синтез» в рассказах Ефремова [Мызникова, 2012] осуществляется посредством ряда композиционных, стилистических, семиотических приемов, среди которых важнейшую роль играет хронотоп. Исследования, обращенные к проблеме пространственно-временной организации прозы Ефремова, посвящены главным образом вопросам художественного времени, которое рассматривается в качестве самостоятельного «героя» произведений Ефремова [Дюгаева, 1983, с. 4]; в качестве определяющего компонента нового литературного направления «мультивременной асинхронный реализм» [Терехин, 2009, с. 182]; в плане пространственно-временной организации текста в качестве структурно-семиотического инструментария, моделирующего различные измерительные операции в метафорах приборов (компас, спидометр, бинокль, теодолит, универсал Гильдебрандта, радиостанция, секстант, микроскоп), масштабов и способов измерения (румб, ноль, локсодромия), а также на уровне стилистического приема (ретардация, эффект «остановленного времени») [Мызникова, 2012, с. 68–108].

Есть некоторый резон соотнести палеонтологический опыт Ефремова в контексте развития творчества писателя с идеей эволюции: в ранних рассказах Ефремова его герой неразрывно связан с землей (глубинами) – обретает бесценные дары для развития науки и техники в ее недрах (глубоководных впадинах); в поздних произведениях (романах) – устремляется в космос. Аналогичный путь проходят, например, герои А. Беляева: от «Человека-амфибии» (1927) к «Ариэлю» (1941). Создается впечатление, что Ефремов подхватывает эстафету Беляева (первые рассказы Ефремова созданы в 1942–1943 гг., в 1941 г. написан последний роман Беляева «Ариэль»). Уже в раннем литературном творчестве Ефремова обнаруживаются признаки увлечения писателя космофией, присутствует тень эзотерических и оккультных учений¹, ставших центральной темой последнего романа Беляева. Однако Ефремов не развивает идею левитации или иного пути более активного освоения небесной стихии, но, напротив, возвращается к отправной точке – концепции погружения-извлечения, поиска пути совершенства в хтоническом пространстве Геи.

Особенностью хронотопа раннего Ефремова, несомненно, становится своеобразный «геокосмос», искусно воссозданный писателем в контексте развития актуальной для советской идеологии идеи научно-технического прогресса, а также дальнейшей разработки антропологической модели ницшеанско-джеколлондовского (в советской интерпретации мересьевского) типа героя-покорителя вселенной, советского титана с аполлоническим резервом: героя-победителя-просветителя.

Хронотоп Ефремова целесообразно рассматривать с нескольких позиций.

Во-первых, он представляет несомненный интерес как антитеза советскому культу тотального превосходства (возвышения), воспетому, например, в «Марше авиаторов» (1923): «Все выше, выше и выше / Стремим мы полет наших птиц». С этой точки зрения, раннее творчество Ефремова готовит почву для его позднейших антиутопий. Непричастный еще к кругу литераторов в 1940-е гг. Ефремов как начинающий писатель, вероятнее всего, не был знаком с «Котлованом» (1930) А. Платонова, романом-антиутопией, запрещенным и распространяемым самиздатом при жизни автора.

¹ О влиянии восточных учений, индийской философии, космизма Н.К. Рериха, теософско-эзотерической традиции русской религиозной философии на формирование творческого мировоззрения Ефремова говорят в своих работах А.А. Юферова, соавторы О.А. Еремина, Н.Н. Смирнов, Ю.В. Беспечанский и др. [Юферова, 1991; Еремина, Смирнов, 2014; Беспечанский, 2014].

Бесконечное «погребение» героев Ефремова, подобно погружению в котлован платоновских строителей «общепролетарского дома» в Городе будущего, наводит на мысль о социальной инволюции, ставит под сомнение метафору «нового мира», сгущает тени вокруг очевидной модели просветительского идеала «ученье – свет». Не исключена вероятность, что ефремовский «андеграунд» служит проекцией бессознательного и, соответственно, психоаналитического аспекта построения художественного образа в литературном тексте, ведь «В эпоху Сталина, – вспоминает Олсон, ссылаясь на Ефремова, – все психические и психологические штудии были ограничены» [Олсон, 1990].

С другой стороны, начало творческого пути на излете соцреализма, к которому все же хронологически примыкает Ефремов, приобщает его героев к «негативной» антропологической парадигме. По мысли И. Смирнова, в соцреалистической литературе «Прямохождение советского человека неполноценно (обычно герой соцреалистических текстов хромает, подобно Воропаеву из «Счастья») или вовсе невозможно (Алексей Мересьев, раненый в обе ноги, пробирается в «Повести о настоящем человеке» по тылам противника к своим ползком). В том, что Стахановское движение зародилось под землей, в угольной шахте, где прямохождение ограничено, есть (прямо не выраженный) негативно антропологический смысл. Культ авиаторов, а также подводников свидетельствует о той чрезвычайной ценности, которая приписывалась тоталитаризмом исполнителям профессиональных заданий в неземных (там, где ходьба не нужна или почти не нужна) сферах» [Смирнов, 1999, с. 62].

Интересно, что начало карьеры Ефремова-литератора биографы связывают с болезнью, которая надолго приковала ученого к постели [Чудинов, 1987]. Путь в литературу, подобно своему легендарному современнику Н. Островскому, Ефремов открывает в состоянии телесного недуга, препятствующего физической активности «некабинетного» ученого. Герои отдельных рассказов повторяют судьбу писателя. Автобиографический эпизод появляется, например, в рассказе «Озеро горных духов (1942-1943)»: *«Я не скоро попал на Алтай. Четыре года прошло в напряженной работе, а на пятый я временно выбыл из строя. Жестоким ревматизм – профессиональная болезнь таежников – на полгода **свалил** меня, а потом пришлось возиться с ослабевшим сердцем»* [Ефремов, 1986, с. 72]¹.

Авиаторы и подводники так же широко представлены в рассказах Ефремова, как и шахтеры, геологи и археологи. Многие из них испытывают серьезные затруднения, связанные с невозможностью

¹ Курсив здесь и далее наш. – Е.М.

или сложностью естественного для человека перемещения, находятся в нестандартном пространственном окружении, когда ноги утрачивают свою функциональность: старпом «Коминтерна», облаченный в водолазный костюм, спускается по трапу для погружения, *«не особенно ловко передвигая пудовые ноги»* [Ефремов, 1986, с. 22] («Встреча над Тускаророй» (1942-1943)); художник Чоросов, возвращаясь из экспедиции к Дены-Дерь, *«временами <...> падал и долго лежал, не в силах подняться»* [Там же, с. 71] («Озеро Горных Духов»); горный инженер Канин *«едва пролезал в узкие сбойки или неправильные квершлага»*: *«Иногда проход <...> был так низок, что по нему приходилось пробираться ползком, сжавшись в комок»*¹ [Там же, с. 81], *«Спина начинала болеть от согнутого положения»* [Там же, с. 88] («Путиами старых горняков» (1942-1943)); не менее красноречиво описание покорения отвесной скалы «Белый рог» геологом Усольцевым: *«распластался», «прижился всем телом», «повис», «срывался», «висел на руках», «распростертый на скале», «соскальзывая», «повалился», «долго лежал», «поднялся на колени»*² [Там же, с. 201-213]), особое значение в этом пассаже приобретают *«окровавленные ступни»* геолога («Белый рог», 1944)). Покорение скалы – это не восхождение, а скалолазание, когда в ход идут все четыре конечности, иными словами, подвиг Усольцева – отчасти поддерживает идею деантропологизации.

В контексте отрицания победного эволюционного марша героев с высоко поднятой головой почти памфлетный смысл приобретает кокетливо-резонерский монолог Веры Борисовны (героини рассказа «Белый рог») по поводу покорителей Эвереста: *«Я так ясно представляю себе Эверест! Роковая обнаженная, скалистая гора. На той недоступной вершине ужасные ветры, даже снег не держится. Вокруг – страшные пропасти. Рушатся ледники, скатываются лавины. И люди упорно ползут (выделено нами – Е. М.) наверх, вперед... Если бы мы могли почаще ставить себе подобные завоеванию Эвереста цели!»* [там же, с. 200]. Горьковская формула *«Безумство храбрых – вот мудрость жизни!»* спотыкается здесь о его же сентенцию *«Рожденный ползать, летать не может»* [Горький, 1899]. Так, в подтексте рассказа, вновь оспаривается пафос восхождения в пользу более примитивного (или инфантильного) способа движения к великой цели.

В этой логике вполне закономерным представляется косвенное отрицание Ефремовым второго этапа антропогенеза, связанного с зарождением производства в связи с освобождением верхних конечностей: лейтенант Леонтьев – профессиональный скульптор –

¹ Поза эмбриона может быть дополнительным знаком регрессии.

² Выделено здесь и далее нами. – Е.М.

ранен в руку («Эллинский секрет», 1942–1943); в руку же ранен майор Лебедев, вызвавшийся вместо отдыха в санатории оказать содействие археологической экспедиции в изучении древней обсерватории («Обсерватория Нур-и-Дешт», 1944); ранение в руку получают механик и второй пилот самолета Сергиевского («Бухта радужных струй», 1944).

Другое важное наблюдение Смирнова, связанное с поэтикой соцреализма, – избегание поэтической энергетики материально-телесного низа: «Телесный низ (столь важный для антропогенеза) как бы вообще не существует для соцреализма» [Смирнов, 1999, с. 62]. Деактуализация эротической сферы в рассказах Ефремова поддерживается отсутствием в его раннем творчестве (адресованном литературной критикой преимущественно детям) образов ребенка: герои рассказов Ефремова, как правило, бездетны. Женщины (крайне редко – жены героев) выступают обычно в качестве объектов эстетического любования, достойных быть увековеченными в произведениях искусства (так, герой рассказа «Эллинский секрет», сожалея о кратковременности «цветения» женской красоты, стремится запечатлеть ее совершенство в бессмертной скульптуре), либо наравне с мужчинами трудятся на поприще научно-технического прогресса (например, *«способный научный работник и в то же время хорошенькая женщина»*) [Ефремов, 1986, с. 318] Женя Панова («Бухта радужных струй»), аспирантки, младшие научные сотрудники – Мириам и Мария («Тень минувшего»), аспирантка Института восточных языков Таня (Татьяна Ивановна) («Обсерватория Нур-и-Дешт» и пр.).

Взаимное влечение мужчины и женщины часто имеет нефизиологические, но пространственно-хронологические мотивы. Так, в рассказе «Обсерватория Нур-и-Дешт» Ефремов прибегает к технике *deus ex machina*: прилив эротической энергии героев объясняется специфическим воздействием на чувства персонажей «чудесного» места, управляющего психическим и физическим состоянием последних посредством «эманации радия». Романтические эпизоды – тайная влюбленность, ревность, измена, мезальянс, побег, подвиг или дело жизни, посвященное женщине, – возникают в рассказах Ефремова в так называемых вставных новеллах, которые опосредованно связаны с центральным сюжетом рассказа и нередко затмевают основную фабулу, отличаясь более тонкой интригой, психологизмом, поэтичностью, человечностью (ср., например, историю неразделенной любви, вдохновившей судовладельца Джона Виллиса на создание непревзойденной «Катти Сарк» («Катти Сарк» (1942–1943)); романтическую повесть штейгера Поленова о тайном побеге опальных крепостных Андрюшки Шаврина и Насти Ферапонтовой («Путями старых горняков»); старую сказку уйгура Арслана о батуре, покорившем неприступный Ак-Мюнгуз, чтобы

вернуть и умертвить неверную возлюбленную («Белый рог»)). Эротический контекст, таким образом, вытесняется из центральной «соцреалистической» фабулы в прошлое, которое, вопреки конъюнктуре, приобретает парадоксальную манящую привлекательность.

Центральные герои рассказов Ефремова – герои-схемы, героиглыбы – однолинейны, силуэтны, антипсихологичны, и мифологические претексты, извлеченные из глубин прошлого, в пограничном пространстве между жизнью и смертью, потусторонним и посюсторонним, сном и явью восполняют дефицит человеческого, табуизированного в советской литературе начала XX века.¹ По-своему решает проблему деантропологизации А. Беляев: его герои – не собственно люди (человек-амфибия); «недолюди» или «полулюди» (расчлененные тела, переходящие, как вымпел, от одного субъекта к другому в «Голове профессора Доуэля»), и, наконец, некоторое подобие сверхлюдей (Ариэль) – некто, находящийся выше всего человеческого в прямом (левитация) и фигуральном смысле (экстрасенсорные способности).

Ефремов идет по другому пути в рамках сложившегося канона: он переносит акценты с человека на пространство, персонифицируя природу и отказывая героям рассказов в характере: «Приостанавливавшая мышление о человеке, соцреалистическая литература компенсаторно очеловечивала (вне и помимо мифологического анимизма) неживую природу, – пишет И.П. Смирнов. – Резонер из шагиняновской «Гидроцентрали» (1930-1931) утрирует В.И. Вернадского², петрифицируя человека, с одной стороны, а с другой, превращая геологию в общественную науку» [Смирнов, 1999, с. 47]. Пример такой социологизации геологии в рассказе «Тень минувшего» – «голографический» призрак древнейших эпох: образ пещерного человека оказывается пленником каменной пластины. В других рассказах «петрификация» распространяется на женские образы, увековеченные в скульптуре или галеонной фигуре («Эллинский секрет», «Катти Сарк»).

Особый локус фантастической литературы – «не здесь и не сейчас» – во многом определяет предпочтения Ефремова-фантаста: устремленность в прошлое / будущее; запрет на настоящее отражается в пространственной модели художественного полотна писателя – вертикаль (рельеф) доминирует над «нулевой», «нейтральной» [Мызникова, 2012, с. 72] горизонталью (океан: *Беспредельная гладь океана как бы остановила*

¹ «Негативная антропология» советской фантастики, казалось бы, имеет целью «деиндивидуализирующей типичности <...> и абсолютной государственной власти», – пишет Смирнов [Смирнов, 1999, с. 44].

² Вернадский, как известно, был одним из профессиональных кумиров Ефремова [Листов, 1999; Сапунов, 2011].

летающий самолет своим подавляющим однообразием» [Ефремов, 1986, с. 323] («Бухта радужных струй»), пустыня: «*Пустыня казалась бесконечной*» [там же, с. 113] («Оглой-Хорхой») и т.п.) с акцентированием глубин и вершин как архетипических аналогов прошлого и будущего¹ и игнорированием срединного элемента мирового пространства. Ефремовские глубины как будто противопоставлены идее социалистического размаха: путь эволюции в ранних рассказах Ефремова – нелинеен и неявно выбивается из мейнстрима.

Так, хронотоп в первом цикле рассказов Ефремова служит средством полемического оформления скрытой идеи модели социальной эволюции, отличной от общепризнанной, и «детские» рассказы начинающего писателя становятся предтечей его более уважаемых антиутопий.

Во-вторых, хронотоп Ефремова оригинально поддерживает идею «встречи», ставшую философским кредо писателя. Ефремов убежден, что феномен «встречи» с необъяснимым, невероятным, хронологически отдаленным является стимулом к эволюционному прорыву. Одной из зон таких прогностических встреч является область научного интереса писателя – палеонтологии. В научно-популярной заметке «Космос и палеонтология» (1972) Ефремов называет последнюю «ключом будущего»: «палеонтология послужит окном в Космос» [Ефремов, 1972, с. 102].

Вероятно, не только профессиональный интерес палеонтолога, но и мировоззрение эволюциониста определяет пространственную зону подобных «судьбоносных» встреч – обретение уникального опыта или знания в творчестве раннего Ефремова, как правило, связано с пространственными глубинами (скважины, родники, источники, шахты, штреки, морские пучины, тоннели, штольни и пр.). Причем, как справедливо отмечает Е.А. Мызникова, горизонтальное пространство в художественном мире Ефремова нередко представляется в категориях вертикального [Мызникова, 2012, с. 72]: «*Не слишком ли смело я пустился в глубь песков?*» [Ефремов, 1986, с. 114] («Олгой-Хорхой», 1942-1943); «*Еще немного – и самолет углубится в океан*» [там же, с. 323] («Бухта радужных струй»); «*Я жил в поселке Горном, находившемся в глубокой долине небольшой речки, меж высоких холмов*» [там же, с. 82] («Путями старых горняков»), озеро Дены-Дерь расположено в долине, которая «*глубоко уходит в Катунский хребет*» [там же, с. 71–72] («Озеро горных духов»). Сквозь

¹ Хронотоп Ефремова во многом воспроизводит архетип мирового древа. Особенно любопытен в этом отношении образ «перевернутого древа», распространенный в восточных мифологиях и связанный с «геометрией нижнего мира, в котором все отношения «перевернуты» по сравнению с верхним и средним миром (живое становится мертвым, видимое – невидимым)» [Топоров, 1994, с. 401].

ефремовские глубины намечается путь через палеонтологию к антропологии, происходит «прораствание» истории в эволюционную перспективу.

Интересной находкой Ефремова является «протезирование» будущего посредством «встреч» с достижениями прошлого: такими «протезами» служат «эллинский секрет» размягчения слоновой кости, позволивший раненому в руку скульптору осуществить свой замысел (важно, что именно левой здоровой рукой художнику удобнее копировать возникшие в его необъяснимых «воспоминаниях» кипрские письма – справа налево («Эллинский секрет»)); «эманации радия» на месте древнего рудника красок, способствующие скорейшему выздоровлению героя рассказа («Обсерватория Нур-и-Дешт»); тайна «живой» воды, добытая из глубин Тускароры («Встреча над Тускаророй»); целебный сок реликтового растения («Бухта радужных струй») и пр.

Усиление значения встречи с необыкновенным за счет пространственно-временного вынесения кульминационного элемента сюжета за рамки обыденности (не здесь и не сейчас) – прием, программный для фантастики. Однако для Ефремова такой выход – не только метафора раздвижения горизонтов человеческих возможностей, но и зона встречи человека с самим собой¹: с точностью психоаналитика Ефремов подхватывает детские мечты, художественные замыслы, амбиции, страхи и разочарования своих героев и обрамляет их в пространственно-временные формы, отличные от тех, что соответствуют нейтральному, социально и исторически обусловленному статусу хронотопа.

Хронотоп Ефремова становится сюрреалистическим приемом возвращения человека, ушедшего из фантастики, придает поверхностно идеологизированному антропоцентризму черты психологизма. Идея углубления, погружения во тьму коррелирует с психоаналитическим пространством иррационального².

Оглой-Хорхой – психоаналитическая проекция страха смерти и сексуальности (фаллический образ смерти). Белый рог, покоренный геологом Усольцевым, – другая фаллоцентрическая схема становления личности героя. Африка – в детских мечтах исследователя Сибири Балабина (в этом контексте – alter ego автора, грезившего Африкой в

¹ «...я подметил одну особенность: необычайное, встреченное почти каждым из вас, как бы соответствует внутренним исканиям каждого... Разве эти встречи не результат, может быть бессознательных поисков?» [Ефремов, 1986, с. 170] – резюмирует один из героев Ефремова.

² «Ясность этого мира – прямое следствие Просвещения и порожденных им метафор – заканчивается на границах психологического заповедника, – пишет А. Эткинд. – Внутри его, в запущенном пространстве между перверсиями, царит мерцающая полутьма» [Эткинд, 2015, с. 11]

юности) – хтоническое пространство, сопряженное с опасностями, и в то же время локализация представлений о земном рае («Голец Подлунный», 1942-1943). Живая вода капитана Джессельтона – витальный символ, подкрепленный образом женщины-видения (кабачной певички) – эротический комплекс капитана Елисеева, попавшего под очарование неспешной и самодостаточной жизни безмятежного Кейптауна (тоже Африка). Целебный сок эйзенгартии – личная потребность в продолжении жизни (рода) стареющего профессора Кондрашева («...хорошенькая женщина, Панова имела успех не только у молодежи, но и у более почтенных сотрудников института. Профессор Кондрашев, сам не зная, по каким обстоятельствам, пользовался ее особой симпатией» [Ефремов, 1986, с. 318]; ключом к психологизму Кондрашева, усиленному посредством хронотопа, станет досадливая реплика ученого, адресованная молодой коллеге: «Вы-то можете ждать, но мне уже маловато времени осталось» [там же, с. 319]). Эллинский секрет – обостренная до галлюцинаций потребность воплощения творческого замысла скульптора (кстати, древняя Эллада привлекала Ефремова не только эстетизмом, но и вездесущим эротизмом). Старинная ваза – помимо прочего, женский символ сексуальности, объясняющий любовное томление героини в рассказе «Обсерватория Нур-и-Дешт».

Если реалистический хронотоп служит средством подавления человека вне его социального значения (пример тому – безликие, клишированные, как будто сошедшие со страниц газет дифирамбы советскому правительству, руководству, ученым, исследователям и пр., выполняющим поставленные перед ними общественные задачи), то фантастический хронотоп станет средством возвращения человека с его частными вопросами, вкусами, проблемами, дилеммами.

В-третьих, хтонический хронотоп становится механизмом подключения к мифологическому нарративу «фронтальной» фабулы рассказов Ефремова: путь Адониса ефремовских героев, преодоление царства смерти – новая литературная версия идеи воскрешения. Архетипическая логика хронотопа отсылает и к мифологеме бунта Эдипа: служение-месть Великому отцу-вождю (государство, власть) через возвращение в лоно Великой Матери – Геи.

Танатологическая эпистема в хронотопе Ефремова актуализирует пафос преодоления смерти. Мифологические маркеры царства теней рассыпаны по всему поэтическому пространству рассказов. Описание потустороннего мира напоминает «марсианский» пейзаж пустыни Гоби: *«Здесь кончилась битва первобытных космических сил и жизни, и только недвижная материя горных пород еще вела свою молчаливую борьбу с разрушением... Непередаваемая грусть окружающего наполнила и мою душу <...> Тени в этот час исчезали, и разная освещенность песков отражалась лишь в большей*

или меньшей примеси красного тона. Этот странный цвет еще больше подчеркивал мертвенность пустыни» [там же, с. 115, 117] («Оглой-Хорхой»). С погружением в загробное царство образно совпадает блуждание героя в «бесконечной черноте узких, загроможденных проходов» [там же, с. 25] затонувшего судна («Встреча над Тускаророй»), кроме того, лейтмотивом рассказа становится призрак затонувшего корабля и его капитана. Ментальное путешествие в древнюю Элладу скульптора Леонтьева похоже на сеанс спиритизма, грезу¹ с продолжением, с поразительной точностью воспроизводящую трансовую отрешенность от жизни современного сериала² («Эллинский секрет»). Смертельная опасность, источаемая Озером Горных Духов, локализована на территории «унылой дикости Севера»³ [Ефремов, 1986, с. 73]. Еще севернее расположено место действия рассказа «Алмазная труба» (1944) – «неисследованные, малодоступные пространства» [там же, с. 263], и более настойчиво в этом рассказе апеллирует к семиотике смерти «темное молчание» Якутской тайги: «Погибель верна впереди...» [там же, с. 281], чары Гипноса – «Хотелось долго-долго спать» [там же] – неумолимо отвлекают героев от кажущейся напрасной «погоны за мечтой» [там же, с. 265]. В рассказе «Пути старых горняков» отрезанные от мира завалом рудного массива герои («Быстро пронесся рой мыслей о жизни, работе, близких, о прекрасном сияющем солнечном мире, который я больше никогда не увижу» [там же, с. 91]) оказываются во власти подземного «Стикса»: «...он бросил вниз камень, и вскоре до нас донесся отчетливый всплеск: внизу была вода»; «Глубочайшая темнота и тишина окутывали нас <...> и снова беззвучная тьма воцарилась в подземелье» [там же, с. 89]. «Корнил Поленов, девяностолетний, но еще крепкий старик» [там же, с. 82] – проводник⁴ геолога – явно напоминает вергилиевского Харона: «Бог уже стар, но хранит он и в старости бодрую силу» [Вергилий, 1979].

¹ В греческой мифологии Гипнос («Сон») – собрат Танатоса («Смерти») [Токарев, 1994, с. 457].

² Регулярное трансовое возвращение к очередной «серии» одного сюжета – вероятно, еще один футурологический прогноз Ефремова, связанный с сериальностью массовой культуры конца XX – начала XXI века.

³ По версии Кэрлота, символическая ось Север-Юг «совпадает с мистическим “Отверстием”, через которое осуществляется переход и выход за пределы, т.е. тропа из мира явлений (пространственных или временных) в мир вечности» [Кэрлот, 1994, с. 416].

⁴ О значении образа проводника в творчестве Ефремова упоминает Мызникова: «Проводник в рассказах И. Ефремова часто не тот, кто сопровождает для указания пути, а тот, кто уводит рассказчика за пределы намеченного пути, меняя не только его направление в пространстве, но и ход мыслей <...> зачастую главными героями <...> являются именно проводники, а их образы прописаны достаточно детально (Кильчегасов, Поленов, Чоросов и др.)» [Мызникова, 2012, с. 47].

Слово «смерть», многократно повторенное, вложено в уста другого Харона – немногословного проводника-монгола в рассказе «Оглой-Хорхой».

Прорезание времени и пространства в контексте развития человеческого гения происходит согласно логике мифологического мышления древних по универсальной программе архетипа через инициацию: встречу со смертью, метаморфозы и перерождения героя, обеспечивающие телесно-духовное преображение. Поддержка фабулы рассказов Ефремова мифологическим нарративом¹ позволяет автору преодолеть характерную для соцреалистической литературы ситуацию неопределившегося выбора между той или иной дефицитарной составляющей человеческой субституции: «кьеркегоровский “выбор самого себя”, – пишет И.П. Смирнов, – оборачивается в соцреализме выбором между той или другой идентификацией, между гибелью тела и гибелью Духа» [Смирнов, 1999, с. 65].

Погружение в царство Танатоса, встреча со смертью в поэтике Ефремова становится средством преображения героев, шагом на пути к эволюции. Через преодоление смерти достигается телесно-духовная эмансипация героя, возвышающая и освобождающая последнего от кажущихся теперь мелкими личностных, нравственных, социальных притязаний: *«То, что казалось мне безусловно ярким и важным, как-то сразу потускнело»* [Ефремов, 1986, с. 41] («Встреча над Тускаророй»). Предельно условные герои рассказов Ефремова, по сути лишённые характера, преодолевая смерть, становятся другими людьми, существенно отличаются от себя прежних, но каким именно образом писатель не сообщает, оставляя открытым вопрос о возможностях, чаяниях, ценностях человека будущего: *«Ему казалось, что между ним и миром там, внизу, оборвалась всякая связь. И действительно, между ним и жизнью лежала еще не пройденная смертная грань <...> И еще он подумал о том, что если ему суждено будет вернуться в жизнь, он вернется другим, не прежним. Сверхъестественное напряжение, вложенное им в достижение цели, как-то изменило его душу»* [там же, с. 213] («Белый рог»); *«Я сразу узнал Леонтьева <...> это был уже совсем другой человек»* [там же, с. 62] («Эллинский секрет»).

Таким образом, хронотоп ранних рассказов Ефремова, наряду с некоторыми другими приемами организации художественного текста (ретардация, циклизация, сквозной персонаж, интертекст), способствует углублению фабулы ранних произведений писателя, адаптирует фантастический нарратив к реалистическому фону, намечает путь преодоления методологической зашоренности соцреализма, готовит семиотический материал для антиутопий последующих лет.

¹ Подробно об этом пишет Мызникова в разделе «Прием ретардации» [Мызникова, 2012, с. 89].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арманд, Д. Детские географические книги (1941–1947 гг.) / Д. Арманд // География в школе. – 1948. – № 3. – С. 7–8.

Беспечанский, Ю. В. Философия русского космизма в художественном творчестве / Ю.В. Беспечанский // Материалы 66-й научной конференции. Сборник трудов. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2014. – С. 1062–1069.

Брандис, Е. П. Через горы времени: Очерк творчества И. Ефремова / Е.П. Брандис, В.И. Дмитриевский. – Москва; Ленинград: Советский писатель, 1963. – 220 с.

Бритиков, А. Ф. Целесообразность красоты в эстетике Ивана Ефремова / А.Ф. Бритиков // Творческие взгляды советских писателей. Ленинград: Наука, 1981. – С. 156–180.

Вергилий. Энеида. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1375300006>. (15.02.2019).

Геллер, Л. Мироздание Ивана Ефремова / Л. Геллер // Время и мы. – 1977. – № 24. – С. 134–151.

Генис, А. Вавилонская башня: искусство настоящего времени / А. Генис. – Москва: «Независимая газета», 1997. – 256 с.

Горький, М. Песня о соколе. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/proza/rasskaz/pesnya-o-sokole.htm>. (15.02.2019).

Дюгаева, Л. И. Проблема связи времен в художественном творчестве И. Ефремова: дис.... канд. филол. наук / Л.И. Дюгаева. – Москва, 1983. – 179 с.

Еремина, О. А. Иван Ефремов / О.А. Еремина, Н.Н. Смирнов. – Москва: Молодая гвардия, 2014. – 682 с.

Ефремов, И. А. Космос и палеонтология / И.А. Ефремов // Населенный космос. – Москва: Наука, 1972. – С. 91–102.

Ефремов, И. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 1. Рассказы / И.А. Ефремов. – Москва: Молодая гвардия, 1986. – 574 с.

Куляпин, А. И. Мифы Ивана Ефремова [Электронный ресурс] // Сибирские огни. – 2011. – № 3. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://magazines.russ.ru/sib/2011/3/ku13.html>. (15.02.2019).

Кэрлот, Х. Э. Словарь символов / Х.Э. Кэрлот. – Москва: REFL-book, – 1994. – 608 с.

Лазарев, М. О научной фантастике в творчестве И.А. Ефремова: доклад на II сессии «Литературно-критических чтений» в Ленинградском доме детской книги / М. Лазарев // О литературе для детей: Вып. 2. – Ленинград: Детгиз, 1957. – С. 7-39.

Листов, М. С. Развитие идей В.И. Вернадского в творчестве Ивана Ефремова. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.iefremov.ru/publikacii/razvitie-idey-vernadsкого-v-tvorchestve-ivana-efremova.html>. (15.02.2019).

Мызникова, Е. А. Научно-художественный синтез в рассказах И.А. Ефремова 1940-х годов: дис. ... канд. филол. наук / Е.А. Мызникова. – Барнаул, 2012. – 172 с.

Олсон, Э.К. Иван Ефремов: другая сторона медали / Э.К. Олсон // Olson E.C. The Other Side of the Medal: a Paleontologist Reflects on the Art and Serendipity of Science. – Los Angeles: The McDonald and Woodward Publishing Company, Blacksburg, Virginia, – 1990. – 182 p. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.i-efremov.ru/publikacii/ivan-efremov-drugaya-storona-medali.html>. (15.02.2019).

Сапунов, В. Б. Философские взгляды Ивана Ефремова. – [Электронный ресурс]. – URL: http://www.sir35.ru/filosofskie_vzglyady_Ivana_Efremova. (15.02.2019).

Смирнов, И. П. От тоталитарного человека к постмодернистскому / И.П. Смирнов // Смирнов И.П. Человек человеку философ. – Санкт-Петербург: Алетейя. – 1999. – 284 с.

Терёхин, В. Л. Иван Ефремов – провозвестник мультивременного асинхронного реализма / Терёхин В.Л. // В.Л. Терёхин. Утаенные русские писатели. – Москва: Знак, 2009. – С. 115–184.

Токарев, С. А. Смерть / С. А. Токарев // Мифы народов мира: Энциклопедия: в 2 т. Т. 2. – Москва: Рос. Энциклопедия, 1992. – С. 456–457.

Топоров, В. Н. Древо мировое / Топоров В.Н. // Мифы народов мира: Энциклопедия: в 2 т. Т. 1. – Москва: Рос. Энциклопедия, 1992. – С. 398–406.

Чудинов, П. К. Иван Антонович Ефремов. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.i-efremov.ru/publikacii/chudinov-ivan-antonovich-efremov.html>. (15.02.2019).

Эткинд, А. Содом и Психея / А. Эткинд. – Москва: ArsisBooks, 2015. – 336 с.

Юферова А. А. Иван Ефремов и Агни Йога / А.А. Юферова // Наука и религия. – 1991. – № 4. – С. 40–44.

Яламов, Т. Космическая сингулярность (интересные параллели в биографиях Н. Рериха и И. Ефремова). – [Электронный ресурс]. // Тера фантастика. – 2000. – № 1. – URL: <http://i-efremov.ru/publikacii/kosmicheskaya-singulyarnost-interesnie-paralleli-v-biografiyah-reriha-i-efremova.html>. (15.02.2019).

REFERENCES:

Armand, D. Detskie geograficheskie knigi (1941-1947 gg.) / D. Armand // Geografiya v shkole. – 1948. – № 3. – S. 7-8.

Bespechanskiy, Yu. V. Filosofiya russkogo kosmizma v khudozhestvennom tvorchestve / Yu. V. Bespechanskiy // Materialy 66-y nauchnoy konferentsii. Sbornik trudov. – Chelyabinsk: Izdatel'skiy tsentr YuUrGU, 2014. – S. 1062–1069.

Brandis, E. P. Cherez gory vremeni: Ocherk tvorchestva I. Efremova / E.P. Brandis, V.I. Dmitrevskiy. – Moskva; Leningrad: Sovetskiy pisatel', 1963. – 220 s.

Britikov, A. F. Tselesoobraznost' krasoty v estetike Ivana Efremova / A.F. Britikov // *Tvorcheskie vzglyady sovetskikh pisateley*. Leningrad: Nauka, 1981. – S. 156-180.

Chudinov, P. K. Ivan Antonovich Efremov. – [Elektronnyy resurs]. – URL: <http://www.i-efremov.ru/publikacii/chudinov-ivan-antonovich-efremov.html>. (15.02.2019).

Dyugaeva, L. I. Problema svyazi vremen v khudozhestvennom tvorchestve I. Efremova: dis. kand. filol. Nauk / L.I. Dyugaeva. – Moskva, 1983. – 179 s.

Efremov, I. A. Kosmos i paleontologiya / I.A. Efremov // *Naselenny kosmos*. – Moskva: Nauka, 1972. – S. 91–102.

Efremov, I. A. Sobranie sochineniy: v 5 t. T. 1. Rasskazy / I.A. Efremov. – Moskva: Molodaya gvardiya, 1986. – 574 s.

Eremina, O. A. Ivan Efremov / O.A. Eremina, N.N. Smirnov. – Moskva: Molodaya gvardiya, 2014. – 682 s.

Etkind, A. Sodom i Psikheya / A. Etkind. – Moskva: ArsisBooks, 2015. – 336 s.

Geller, L. Mirozhdanie Ivana Efremova / L. Geller // *Vremya i my*. – 1977. – № 24. – S. 134-151.

Genis, A. Vavilonskaya bashnya: iskusstvo nastoyashchego vremeni / A. Genis. – Moskva: «Nezavisimaya gazeta», 1997. – 256 s.

Gor'kiy, M. Pesnya o sokole [Elektronnyy resurs]. – URL: <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/proza/rasskaz/pesnya-o-sokole.htm>. (15.02.2019).

Kulyapin, A. I. Mify Ivana Efremova. – [Elektronnyy resurs] // *Sibirskie ogni*. – 2011. – № 3. – URL: <http://magazines.russ.ru/sib/2011/3/ku13.html>. (15.02.2019).

Kerlot, Kh. E. Slovar' simvolov / Kh.E. Kerlot. – Moskva: REFL-book, – 1994. – 608 s.

Lazarev, M. O nauchnoy fantastike v tvorchestve I.A. Efremova: doklad na II sessii «Literaturno-kriticheskikh chteniy» v Leningradskom dome detskoy knigi / M. Lazarev // *O literature dlya detey: Vyp. 2*. – Leningrad: Detgiz, 1957. – S. 7–39.

Listov, M. S. Razvitie idey V.I. Vernadskogo v tvorchestve Ivana Efremova. – [Elektronnyy resurs]. – URL: <http://www.i-efremov.ru/publikacii/razvitie-idey-vernadskogo-v-tvorchestve-ivana-efremova.html>. (15.02.2019)/

Myznikova, E. A. Nauchno-khudozhestvennyy sintez v rasskazakh I.A. Efremova 1940-kh godov: dis. ... kand. filol. nauk / E.A. Myznikova. – Barnaul, 2012. – 172 s.

Olson, E. K. Ivan Efremov: drugaya storona medali. – [Elektronnyy resurs] // Olson E.C. The Other Side of the Medal: a Paleontologist Reflects on the Art and Serendipity of Science. – Los Angeles: The McDonald and Woodward Publishing Company, Blacksburg, Virginia, – 1990. – 182 p. – URL: <http://www.i-efremov.ru/publikacii/ivan-efremov-drugaya-storona-medali.html>. (15.02.2019).

Sapunov, V. B. Filosofskie vzglyady Ivana Efremova. – [Elektronnyy resurs]. – URL: http://www.sir35.ru/filosofskie_vzglyady_Ivana_Efremova. (15.02.2019).

Smirnov, I. P. Ot totalitarnogo cheloveka k postmodernistskomu / I.P. Smirnov // Smirnov I.P. Chelovek cheloveku filosof. – Sankt-Peterburg: Aleteyya. – 1999. – 284 s.

Terekhin, V. L. Ivan Efremov – provozvestnik mul'tivremennogo asinkhronnogo realizma / V.L. Terekhin // V.L. Terekhin. Utaennye russkie pisateli. – Moskva: Znak, 2009. – S. 115-184.

Tokarev, S. A. Smert' / S.A. Tokarev // Mify narodov mira: Entsiklopediya: v 2 t. T. 2. – Moskva: Ros. Entsiklopediya, 1992. – S. 456–457.

Toporov, V. N. Drevo mirovye / V.N. Toporov // Mify narodov mira: Entsiklopediya: v 2 t. T. 1. – Moskva: Ros. Entsiklopediya, 1992. – S. 398–406.

Vergiliy. Eneida. – [Elektronnyy resurs]. – URL: <http://ancientrome.ru/antlitrt/t.htm?a=1375300006>. (15.02.2019).

Yuferova, A. A. Ivan Efremov i Agni Yoga / A.A. Yuferova // Nauka i religiya. – 1991. – № 4. – S. 40-44.

Yalamov, T. Kosmicheskaya singulyarnost' (interesnye paralleli v biografiiakh N. Rerikha i I. Efremova). – [Elektronnyy resurs] // Tera fantastika. – 2000. – № 1. – URL: <http://i-efremov.ru/publikacii/kosmicheskaya-singulyarnost-interesnye-paralleli-v-biografiyah-rerikha-i-efremova.html>. (15.02.2019).